

ГОВАРД ФИЛЛИПС

ЛАВКРАФТ

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

РОМАН

АУДИОКНИГА
ART DICTATION STUDIO

ардис

Говард Лавкрафт
Хребты безумия

«АРДИС»

1936

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Лавкрафт Г. Ф.

Хребты безумия / Г. Ф. Лавкрафт — «АРДИС», 1936

В ледяных пустошах Антарктиды, где ветер шепчет забытые заклинания, экспедиция обнаруживает город, не созданный человеческими руками. Он древнее гор, древнее самой памяти о людях – с башнями, устремлёнными в небо, словно когти неведомых богов, и арками, изогнутыми по законам чуждого разума. Фрески на стенах повествуют о расе, правившей Землёй в эпоху тьмы, – о Древних, создавших жизнь и оставивших после себя наследие, которое не должно было быть найдено. С каждым шагом вглубь руин учёные всё яснее ощущают: за ними наблюдают. Что-то древнее, нечеловеческое и бесконечно могущественное пробудилось от многовекового сна – и взгляд его уже скользнул по непрошеным гостям. «Хребты безумия» – погружение в бездну запретных знаний, где грань между реальностью и кошмаром тает, как лёд под чёрным солнцем. Одно прикосновение к тайне – и разум уже не будет прежним. Что ждёт тех, кто осмелится заглянуть за хребет безумия?

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

© Лавкрафт Г. Ф., 1936

© АРДИС, 1936

Содержание

I	6
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Говард Филлипс Лавкрафт

Хребты Безумия

©&(P) Ардис, перевод, издание на русском языке

I

Я вынужден прервать молчание, ибо мужи науки, не ведая истинных причин, отказались выслушать мои предостережения. Лишь крайняя неохота и опасение, что мой призыв окажется тщетным, заставляют меня изложить основания, по которым я столь яростно противлюсь грядущему вторжению в Антарктику – с его масштабными поисками окаменелостей, массовым бурением и варварским расплавлением древних ледяных покровов.

Неизбежно, что подлинность фактов, которые я намерен раскрыть, будет поставлена под сомнение; и все же, умолчи я о вещах, кажущихся невероятными и чудовищными, от истины не осталось бы и следа. Фотоснимки – как обычные, так и аэрофотоснимки, – доселе мною утаиваемые, послужат мне свидетельством, ибо они зловеще наглядны. И все же их наверняка объявят искусной мистификацией, учитывая те пределы, в коих способно преуспеть современное ретушерское мастерство. Рисунки тушью, разумеется, будут высмеяны как очевидные подделки – невзирая на странность техники, которую знатокам искусства следовало бы заметить и над которой им стоило бы поломать голову.

В конечном счете, мне остается полагаться лишь на суждение и авторитет тех немногих ученых мужей, что обладают достаточной независимостью мысли, дабы взвесить мои данные в свете их собственной – чудовищно убедительной – значимости или же в контексте неких первобытных и в высшей степени озадачивающих мифологических циклов. А равно и на тех, кто наделен влиянием, способным удержать исследовательский мир от поспешной и чрезмерно амбициозной программы в краях тех самых Хребтов Безумия. Печально, но факт: люди сравнительно безвестные, вроде меня и моих товарищей, связанных лишь с небольшим университетом, имеют мало шансов произвести впечатление там, где речь идет о материях столь диковинных или спорных по самой своей природе.

Не в нашу пользу и то, что мы не являемся – в строжайшем смысле слова – специалистами в тех областях, коих первыми коснулись наши открытия. Как геолог, возглавивший экспедицию Мискатоникского университета, я ставил себе целью исключительно получение образцов скальных пород и грунта с больших глубин, используя замечательный бур, изобретенный профессором Фрэнком Г. Пибоди с нашего инженерного факультета. У меня не было ни малейшего желания становиться первопроходцем в какой-либо иной сфере; я лишь надеялся, что применение нового механического устройства в различных точках вдоль уже изведанных путей позволит добыть материалы, недоступные прежним, примитивным способам сбора.

Буровая установка Пибоди, как публике уже известно из наших отчетов, была уникальна и радикальна по своей легкости, портативности и способности сочетать принцип обычного артезианского бурения с принципом малого кольцевого бура, что позволяло быстро преодолевать пласты самой разной твердости. Стальной наконечник, составные штанги, бензиновый мотор, складная деревянная вышка, принадлежности для взрывных работ, тросы и секционные трубы – все это, вкуче с необходимыми аксессуарами, составляло груз не больший, чем тот, какой могли увезти три собачьи упряжки по семь собак в каждой. Подобное стало возможным благодаря хитроумному алюминиевому сплаву, из которого было изготовлено большинство деталей.

Четыре тяжелых аэроплана «Дорнье», сконструированные специально для полетов на колоссальных высотах, требуемых в условиях антарктического плато, и снабженные устройствами для подогрева топлива и быстрого запуска, могли доставить всю нашу экспедицию от базы на краю Великого ледяного барьера к различным внутренним пунктам, от которых нам было бы вполне достаточно и собачьих упряжек.

Мы намеревались охватить как можно большую территорию, какую позволит один сезон – или, при крайней необходимости, более долгий срок, – работая главным образом в горных

цепях и на плато к югу от моря Росса; в районах, в той или иной мере исследованных Шеклтоном, Амундсенем, Скоттом и Бэрдом. Мы также стремились получить богатейший набор древних ископаемых, поскольку первобытная история жизни в этом угрюмом царстве льда и смерти имеет величайшее значение для нашего познания земного прошлого. Тот факт, что антарктический материк некогда был краем умеренным и даже тропическим, с изобильной флорой и фауной, от которой ныне сохранились лишь лишайники, морские обитатели да пингвины, – общеизвестен; и мы надеялись расширить эти сведения.

Наши скважины должны были ограничиваться открытыми участками суши – склонами и гребнями, – ибо нижние уровни перекрывала сплошная толща льда толщиной в одну или две мили. Мы не могли позволить себе тратить глубину бурения на одно лишь оледенение, хотя Пибоди и разработал план: опускать медные электроды в пучки скважин и расплавлять лед током от бензиновой динамо-машины. Именно этот метод – который мы успели испытать лишь в порядке опыта – намерена применить грядущая экспедиция Старквезера-Мура, невзирая на все предостережения, кои я рассылаю с момента нашего возвращения.

Мискатоникская экспедиция памятна публике по радиограммам в «Аркхэм Эдвертайзер» и агентство Associated Press. Наш костяк составляли четверо: Пибоди, Лейк с кафедры биологии, Этвуд с кафедры физики (он же метеоролог) и я, представлявший геологию и осуществлявший общее руководство. Нам помогали шестнадцать ассистентов: семь аспирантов Мискатоника и девять квалифицированных механиков. Экспедицию финансировал Фонд Натаниэля Дерби Пикмана; подготовка была исключительно тщательной, несмотря на отсутствие широкой огласки. Для наших целей мы были оснащены поистине великолепно. Именно необычайное число и слава наших предшественников сделали нашу экспедицию – пусть и солидную – столь мало замеченной широкой публикой.

Как сообщали газеты, мы вышли из бостонской гавани 2 сентября 1930 года, взяв неспешный курс на юг вдоль берега, миновали Панамский канал и сделали остановки на Самоа и в Хобарте (Тасмания), где, в последнем пункте, приняли последние запасы. Никто из нашей исследовательской группы прежде не бывал в полярных областях, и потому мы всецело полагались на капитанов наших судов: Дж. Б. Дугласа, командовавшего бригом «Аркхэм» и служившего начальником морской партии, и Георга Торфинссена, командовавшего барком «Мискатоник», – оба они были ветеранами китобойного промысла в антарктических водах. Когда мы оставили позади обжитой мир, солнце опускалось всё ниже и ниже на севере и с каждым днём всё дольше удерживалось над горизонтом.

Примерно на 62° южной широты мы узрели наши первые айсберги – плосковершинные глыбы с отвесными бортами; а незадолго до достижения Южного полярного круга, который мы пересекли 20 октября с подобающим случаю причудливым церемониалом, нас изрядно тревожил плавучий лед. Резкое падение температуры сильно беспокоило меня после долгого путешествия через тропики, но я старался собраться с духом перед лицом ещё более суровых тягот. Много раз меня чрезвычайно пленяли странные атмосферные эффекты; среди них был и поразительно яркий мираж – первый в моей жизни, – при котором далекие айсберги преобразались в бастионы немислимых космических замков.

Продираясь сквозь лед – к счастью, не слишком обширный и не слишком плотно сбитый, – мы снова вышли на открытую воду при 67° южной широты и 175° восточной долготы. Утром 26 октября на юге показался сильный «отблеск суши», и до полудня все мы испытали трепет возбуждения, увидев перед собой громадную, высокую, покрытую снегом горную цепь, которая развернулась и заполнила всю перспективу впереди. Наконец мы встретили форпост великого неведомого материка и его загадочного мира замерзшей смерти. Эти вершины, несомненно, были Адмиралтейским хребтом, открытым некогда Россом, и теперь нашей задачей было обогнуть мыс Адэр и идти вниз вдоль восточного берега Земли Виктории к нашей наме-

ченной базе на берегу пролива Мак-Мёрдо, у подножия вулкана Эребус, на 77° 9' южной широты.

Последний отрезок плавания был ярким и будоражающим воображение: великие бесплодные пики тайны постоянно поднимались на западе на фоне низкого северного полуденного солнца или ещё более низкого, скользящего по горизонту южного полуночного солнца, чьи туманно-красные лучи ложились на белый снег, синеватый лёд, водные промоины и чёрные пятна обнажённых гранитных склонов. Над безжизненными вершинами проносились яростные порывистые вихри ужасного антарктического ветра, чьи каденции порой содержали смутные намёки на дикое и наполовину сознательное музыкальное свистение или посвистывание – на целой широкой шкале нот, – и которые по какой-то подсознательной, мнемонической причине казались мне тревожными и даже смутно кошмарными. Что-то в этом зрелище напоминало мне странные и тревожные азиатские картины Николая Рериха – и ещё более странные и тревожные описания зловеще легендарного плато Ленг, встречающиеся в страшном «Некронмиконе» безумного араба Абдула Альхазреда. Я потом немало жалел, что когда-либо заглянул в эту чудовищную книгу в университетской библиотеке.

Седьмого ноября, когда западный хребет на время был потерян из виду, мы прошли остров Франклина; а на следующий день впереди, на острове Росса, различили конусы гор Эребус и Террор и за ними – длинную линию гор Парри. Теперь к востоку тянулась низкая белая черта Великого ледяного барьера, поднимавшегося отвесно на высоту в 200 футов, словно скалистые обрывы Квебека, и отмечавшего предел нашего движения на юг. Днём мы вошли в пролив Мак-Мёрдо и держались у берега в подветренной стороне дымящегося Эребуса. Шлаковый пик вздымался примерно на 12 700 футов на фоне восточного неба, подобно священной Фудзияме на японских гравюрах; а за ним поднималась белая, призрачная высота Террора – 10 900 футов, – ныне уже потухшего вулкана. Пыхтения дыма с Эребуса появлялись с перерывами, и один из аспирантов – блестящий молодой человек по имени Дэнфорт – указал на нечто, похожее на лаву, на заснеженном склоне; заметив, что эта гора, открытая в 1840 году, несомненно послужила источником образа у По, когда тот семь лет спустя писал:

...О, лавы, что бурно стекают,
По склонам Яанека серными струями!
До самого полюса льетесь меж льдами —
Вы в Яанеке горном берёте начало,
И в северном царстве найдёте конец!

Дэнфорт был большим любителем странной литературы и много говорил о По. Меня самого интересовало это ещё и потому, что у По есть одна-единственная большая повесть с антарктической сценой – тревожный и загадочный «Артур Гордон Пим». На бесплодном берегу и на высоком ледяном барьере позади мириады гротескных пингвинов визжали и хлопали плавниками; а на воде было видно множество жирных тюленей, которые плавали или распластывались на больших льдинах медленно дрейфующего льда.

Пользуясь небольшими лодками, мы с трудом высадились на остров Росса вскоре после полуночи 9-го числа, протянув от каждого из судов по кабелю и приготовившись выгружать припасы посредством устройства типа «штанового буя». Ощущения, когда мы впервые ступили на антарктическую почву, были острыми и сложными, хотя именно в этой точке экспедиции Скотта и Шеклтона уже опережали нас. Наш лагерь на замерзшем берегу у подножия склона вулкана был лишь временным; штаб же оставался на борту «Аркхэма». Мы выгрузили всё буровое снаряжение, собак, сани, палатки, провиант, бензиновые баки, опытное оборудование для плавления льда, фотоаппараты – обычные и для аэрофотосъёмки, – части аэропланов и прочие принадлежности, в том числе три небольшие переносные радиостановки (помимо

тех, что были в самолётах), способные связываться с мощной станцией «Аркхэма» из любой части антарктического материка, куда нам, вероятно, довелось бы попасть. Судовая станция, поддерживавшая связь с внешним миром, должна была передавать газетные сообщения на мощную радиостанцию «Аркхэм эдвертайзер» на Кингспорт-Хед, Массачусетс. Мы надеялись закончить работу за одно антарктическое лето; но если бы это оказалось невозможным, мы бы зимовали на «Аркхэме», а «Мискатоник» отправили бы на север до наступления льдов за припасами на ещё один сезон.

Мне нет нужды повторять то, что газеты уже опубликовали о наших первых работах: о восхождении на Эребус; об удачных минеральных бурениях в нескольких точках на острове Росса и о необычайной скорости, с которой аппарат Пибоди выполнял их, даже сквозь сплошные слои породы; о нашей предварительной пробе малого ледоплавильного оборудования; о нашем опасном подъёме на Великий барьер с санями и грузами; и о том, как мы, наконец, собрали пять огромных аэропланов в лагере на вершине барьера. Здоровье нашей сухопутной партии – двадцать человек и пятьдесят пять аляскинских ездовых собак – было превосходным, хотя, разумеется, до сих пор мы не встретили ни по-настоящему сокрушительных морозов, ни ураганных бурь. В основном термометр колебался между нулем и 20° или 25° выше нуля, и опыт новоанглийских зим приучил нас к суровостям такого рода. Лагерь на барьере был полупостоянным и предназначался стать складом топлива, провианта, динамита и прочих запасов. Для перевозки собственно исследовательского имущества нам требовалось лишь четыре самолёта; пятый оставили у этого склада – с пилотом и двумя людьми с судов, – чтобы иметь возможность добраться до нас с «Аркхэма» на случай, если все наши исследовательские самолёты будут потеряны. Позднее, когда для перемещения оборудования не понадобятся все остальные самолёты, мы собирались использовать один или два как «челнок» между этим складом и другой постоянной базой на великом плато в 600–700 милях к югу, за ледником Бирдмора. Несмотря на почти единодушные рассказы о чудовищных ветрах и бурях, которые низвергаются с плато, мы решили обойтись без промежуточных баз, принимая риск – ради экономии и вящей эффективности.

Радиоэфир полнился известиями о захватывающем четырехчасовом беспосадочном перелете нашей эскадрильи, совершенном 21 ноября над бескрайними просторами высокого шельфового льда. На западе перед нами вставали исполинские пики, а непостижимая тишина этих мест отвечала гулким эхом рокоту наших моторов. Ветер лишь умеренно тревожил нас, а радиоконпасы сослужили добрую службу, когда нам довелось пройти сквозь единственный плотный туман, встреченный на пути. Когда же впереди, между 83° и 84° южной широты, замаячил грандиозный подъем, мы осознали, что достигли ледника Бирдмора – величайшей ледяной реки в мире, и что замерзшее море ныне уступает место угрюмому, гористому побережью. Наконец мы воистину вступали в белый, вечно мертвый мир крайнего юга; и едва это осознание коснулось нас, как в восточной дали предстал пик горы Нансен, возносящийся в небеса почти на 15 000 футов.

Успешное обустройство южной базы над ледником (на 86° 7' южной широты и 174° 23' восточной долготы), равно как и феноменально быстрые, результативные бурения и взрывные работы, кои мы вели в точках, достигнутых санной разведкой и короткими перелетами, – все это уже стало достоянием истории. Равно как и тяжелое, но триумфальное восхождение Пибоди и двух аспирантов, Гедни и Кэрролла, на гору Нансен 13–15 декабря. Мы находились на высоте около 8500 футов над уровнем моря; когда же пробное бурение выявило твердую почву всего в двенадцати футах под покровом снега и льда, мы принялись широко применять наше малое плавильное оборудование, закладывая скважины и производя взрывы в таких местах, где ни один прежний исследователь и не помышлял о добыче минеральных образцов. Извлеченные на свет докембрийские граниты и песчаники Бикон лишь укрепили нашу уверенность в том, что это плато составляет единое целое с основной массой материка к западу, несколько

отличаясь от земель, лежащих восточнее, под Южной Америкой. Последние мы тогда полагали отдельным, меньшим континентом, отделенным от большего замерзшим «перешейком» морей Росса и Уэдделла, – хотя Бэрд впоследствии и опроверг сию гипотезу.

В пластах песчаника, вскрытых и раздробленных взрывами после того, как бурение подтвердило их природу, мы обнаружили весьма любопытные ископаемые отпечатки и фрагменты: в частности, папоротники, морские водоросли, трилобиты, криноидеи, а также моллюсков – лингул и гастропод. Всё это, казалось, имело непреложное значение для понимания первобытной истории сего края. Однако там же обнаружился и странный треугольный, исчерченный штрихами отпечаток – около фута в поперечнике, – который Лейк восстановил из трех кусков сланца, извлеченных из глубокой взрывной воронки. Эти фрагменты были добыты западнее, близ хребта Королевы Александры; и Лейк, будучи биологом, нашел эту загадочную отметину необычайно смущающей и даже вызывающей, хотя моему геологическому взору она представлялась чем-то вроде знаков ряби, обычных для осадочных пород. Поскольку сланец есть не что иное, как метаморфическая порода, спрессованная из осадочных слоев, а само колоссальное давление способно порождать причудливые искажения на любых отметинах, я не видел причин для того крайнего изумления, коим Лейк встретил эту изборожденную впадину.

6 января 1931 года Лейк, Пибоди, Дэнфорт, все шестеро студентов, четверо механиков и я совершили на двух тяжелых аэропланах полет непосредственно над Южным полюсом; при этом внезапный порыв ветра принудил нас к посадке, которая, по счастью, не обернулась типичной полярной бурей. То был, как писали газеты, лишь один из ряда разведочных полетов; в ходе других мы тщились различить новые топографические черты в областях, коих не достигали взоры прежних первопроходцев. Наши ранние вылеты в этом отношении приносили разочарование, хотя и дарили нам великолепные образцы причудливых и обманчивых полярных миражей, краткое предвкушение коих мы получили еще во время плавания. Далекие горы парили в небесах, точно зачарованные грады, и часто весь этот белый мир растворялся в золотой, серебряной и алой стране дунсанианских грез и авантюрного томления под чарами низкого полуночного солнца. В пасмурные же дни полеты становились крайне затруднительны, ибо снежная твердь и небо имели обыкновение сливаться в единую мистическую, опалесцирующую пустоту, лишенную видимого горизонта.

В конце концов мы решились осуществить первоначальный замысел: направиться на 500 миль к востоку всей группой из четырех самолетов и основать новую промежуточную базу в точке, которая, как мы ошибочно полагали, принадлежала к меньшей части материка. Геологические образцы из тех мест были необходимы нам для сравнения. Наше здоровье доселе оставалось отменным; сок лайма успешно противостоял скудному рациону из консервов и солонины, а температура, державшаяся, как правило, выше нуля по Фаренгейту, позволяла нам обходиться без самых тяжелых мехов. Стоял разгар антарктического лета, и при должной поспешности и осторожности мы могли бы завершить изыскания к марту, избежав тем самым тягостной зимовки в беспроглядной полярной ночи. Несколько свирепых бурь обрушивались на нас с запада, но мы избежали урона благодаря искусству Аттвуда, коий соорудил примитивные ангараы для машин и ветрозащитные стены из тяжелых снежных блоков, а также укрепил снегом основные постройки лагеря. Наша удача и наша слаженность и впрямь казались почти жуткими.

Внешний мир, разумеется, был осведомлен о нашей программе, равно как и о странной, упорной настойчивости Лейка. Он требовал, дабы перед окончательным переходом на новую базу мы предприняли разведочную вылазку на запад – а точнее, на северо-запад. Похоже, он много размышлял – с некоей тревожной, радикальной дерзостью – о том треугольном исчерченном отпечатке в сланце. Он усматривал в нем некие противоречия Природы и геологических эпох, кои до предела разжигали его любопытство, побуждая к новым бурениям в той толще пород, что тянулась к западу. Лейк был странным образом убежден, что эта отметина

– след некоего массивного, неведомого и радикально не поддающегося классификации организма весьма высокой ступени эволюции; и это невзирая на то, что порода, сохранившая его, была столь древней – кембрийской, если не вовсе докембрийской, – что исключала возможность существования не только развитой жизни, но и вообще любых организмов сложнее одноклеточных или, в крайнем случае, трилобитов. Возраст этих фрагментов с их зловещей меткой должен был составлять от пятисот миллионов до миллиарда лет.

II

Полагаю, общественное воображение живо откликнулось на наши радиogramмы о том, что Лейк выдвинулся на северо-запад – в те области, куда еще не ступала нога человека и куда прежде не дерзало проникать само человеческое воображение; впрочем, в тех сводках мы не упоминали о его дерзновенном уповании в корне пересмотреть основы биологии и геологии. Его предварительная вылазка, предпринятая с 11 по 18 января вместе с Пибоди и еще пятью помощниками, была омрачена гибелью двух собак при опрокидывании нарт на одном из ледяных торосов, однако она принесла всё новые и новые образцы архейского сланца. Даже я был заинтригован удивительным обилием отчетливых ископаемых отпечатков в этой неправдоподобно древней толще. Отметины сии, впрочем, принадлежали весьма примитивным формам жизни и не заключали в себе особого парадокса, кроме самого факта существования чего-либо живого в породе столь определенно докембрийской. Посему я всё еще не видел разумных оснований для требования Лейка приостановить нашу программу ради экономии времени – остановку, требовавшую задействовать все четыре аэроплана, большую часть людей и весь механический аппарат экспедиции. В конечном счете я не наложил запрет на этот план; однако, невзирая на просьбы Лейка воспользоваться моими советами как геолога, решил не сопровождать северо-западный отряд. Пока они будут в пути, я намеревался оставаться на базе с Пибоди и пятью помощниками, дабы заняться окончательными планами восточного перехода. В рамках подготовки к нему один из самолетов уже начал перебрасывать со стороны пролива Мак-Мёрдо солидную партию бензина, но эту работу можно было временно отложить. При себе я оставил одни нарты и девять собак, ибо полагал неразумным лишаться средств передвижения в совершенно безлюдном мире вечной смерти.

Экспедиция Лейка в неведомое, как многие помнят, передавала сообщения с коротковолновых передатчиков аэропланов; их одновременно принимали наши приборы на южной базе и «Аркхэм» у пролива Мак-Мёрдо, откуда они ретранслировались внешнему миру на волнах до пятидесяти метров. Выступление состоялось 22 января в четыре часа утра; первое радиосообщение мы получили всего через два часа: Лейк сообщал, что идет на снижение и начинает пробную плавку льда и бурение в пункте примерно в трехстах милях от нас. Шесть часов спустя пришла вторая депеша, полная возбуждения: речь шла о лихорадочной, неустанной работе, в ходе которой была пробита и взорвана неглубокая шахта. Итогом стала находка сланцевых обломков с метками, весьма схожими с той, что вызвала наше первоначальное недоумение.

Еще через три часа краткий бюллетень возвестил о возобновлении полета наперекор резкому, пронизывающему шквалу. Когда я направил протест против столь безрассудного риска, Лейк сухо ответил, что его новые образцы стоят любого риска. Я видел, что его возбуждение граничит с бунтом и что я не в силах унять этот стремительный азарт, ставящий под угрозу успех всей экспедиции. Жутко было думать, как он уходит всё дальше и дальше в коварную и зловещую белую безмерность – край бурь и неведомых тайн, простирающийся еще на полторы тысячи миль к лишь наполовину изведанной береговой линии Земель Королевы Мэри и Нокса.

И вот, спустя еще полтора часа, пришло то вдвойне взволнованное сообщение с борта летящего самолета Лейка, которое вмиг переменяло мои чувства и заставило горько пожалеть о том, что меня нет среди них.

«10:05 вечера. В воздухе. После снежной бури увидели впереди горную цепь, превосходящую высотой всё, что нам встречалось доселе. Может равняться Гималаям, если учесть высоту самого плато. Вероятные координаты: 76° 15' южной широты, 113° 10' восточной долготы. Хребет тянется в

обе стороны, насколько хватает глаз. Подозреваю наличие двух дымящихся конусов. Все вершины черные, свободные от снега. Ветер, срывающийся с них, крайне затрудняет навигацию».

После этого Пибоди, люди и я, затаив дыхание, не отрывались от приемника. Мысль об этой титанической горной стене в семистах милях от нас пробуждала глубочайшее чувство авантюризма; мы ликовали от того, что наша экспедиция – пусть и не мы лично – стала ее первооткрывательницей. Через полчаса Лейк вновь вызвал нас.

«Самолет Моултона вынужден сесть на плато в предгорьях, но люди не пострадали; возможно, машину удастся починить. Перенесу всё необходимое на остальные три самолета для возвращения или дальнейших действий, но тяжелым машинам пока летать не стоит. Горы превосходят всякое воображение. Поднимаюсь на разведку на самолете Кэрролла, налегке. Вы не можете представить себе ничего подобного. Самые высокие пики должны превышать 35 000 футов. Эверест повержен. Пока мы с Кэрроллом набираем высоту, пусть Аттвуд вычислит точные параметры по теодолиту. Вероятно, я ошибся насчет вулканических конусов: породы выглядят слоистыми. Возможно, это докембрийский сланец с включениями иных слоев. Вижу странные эффекты силуэта – правильные кубические нагромождения, цепляющиеся за высочайшие пики. Всё это выглядит чудесно в красно-золотом сиянии низкого солнца. Словно страна тайн из сновидений или врата в запретный мир нетварного чуда. О, как бы я хотел, чтобы вы были здесь и изучали это вместе со мной!»

«Поднялись с Кэрроллом над гребнями самых высоких предгорий. При нынешней погоде не решаюсь штурмовать величайшие пики, но сделаем это позже. Подъем дается с чудовищным трудом, на этой высоте дышать и двигаться тяжело, но оно того стоит. Главный хребет тянется сплошной стеной, за которой ничего не видно. Главные вершины выше Гималайских и выглядят крайне причудливо. Порода напоминает докембрийский сланец с явными признаками тектонических поднятий. В гипотезе о вулканизме я ошибся. Цепь уходит в обе стороны за пределы видимости. Выше 21 000 футов горы совершенно выметены от снега.

На склонах высочайших гор наблюдаются странные образования. Исполинские низкие глыбы с абсолютно вертикальными стенами и прямоугольные линии низких заграждений, подобные очертаниям древних азиатских твердынь на полотнах Рериха. Издали зрелище ошеломляющее. Пролетали вплотную: Кэрролл полагает, что они сложены из отдельных камней, но, вероятнее всего, это плод выветривания. Кромки их по большей части осыпались и округлились, словно они миллионы лет противостояли бурям и сменам эпох. Некоторые фрагменты, особенно наверху, кажутся светлее основной породы склонов – очевидно, они имеют кристаллическое происхождение.

При сближении видно множество устьев пещер, причем некоторые имеют необычайно правильную форму – квадратную или полукруглую. Вы непременно должны прибыть сюда и приступить к исследованиям. Кажется, я видел рукотворную на вид стенку прямо на вершине одного из пиков. Высота здесь достигает 30 000–35 000 футов. Я достиг отметки 21 500 – холод здесь

грызущий, дьявольский. Ветер свистит и поет, проносясь сквозь пещеры, но пока опасности для полета нет».

В течение последующего получаса Лейк вел непрерывную передачу замечаний, выражая намерение взойти на некоторые пики пешком. Я ответил, что присоединюсь к нему, как только он прилетит за мной самолет, и добавил, что мы с Пибоди разработаем наиболее эффективный план снабжения – решим, где и как сосредоточить запасы бензина, учитывая изменившийся характер нашей миссии. Было очевидно, что буровые работы Лейка, равно как и его авиационные маневры, потребуют доставки огромного количества грузов на новую базу, которую он намеревался устроить у подножия гор; вполне вероятно, что восточный перелет в нынешнем сезоне вообще не состоится. В связи с этим я связался с капитаном Дугласом и просил его выгрузить с судов всё, что возможно, и поднять это на барьер единственной собачьей упряжкой, которую мы там оставили. Нам надлежало проложить прямой маршрут через неисследованные области между лагерем Лейка и проливом Мак-Мёрдо.

Позднее Лейк сообщил мне, что решил оставить лагерь в той точке, где самолет Моултона совершил вынужденную посадку и где ремонтные работы уже заметно продвинулись. Ледяной покров там был крайне тонок, кое-где проступала темная земля, и он намеревался начать бурение и взрывы прямо на месте, прежде чем предпринимать санные вылазки или восхождения. Он говорил о невыразимом величии представшей картины и о странном смятении чувств, охватившем его в подветренной тени исполинских безмолвных игл, чьи ряды вздымались, точно стена, к самому небу на краю мира. Теодолитные наблюдения Аттвуда определили высоту пяти высочайших пиков в пределах от 30 000 до 34 000 футов. Обдуваемый ветрами ландшафт явно тревожил Лейка, ибо намекал на возможность чудовищных бурь, яростью своей превосходящих всё, с чем мы сталкивались прежде. Его лагерь лежал чуть более чем в пяти милях от места, где начинался резкий подъем предгорий. В его словах – доносившихся через ледяную пустоту в семьсот миль – я отчетливо улавливал нотку подсознательной тревоги, когда он настаивал, чтобы мы поспешили с делами и как можно скорее «разобрались» с этим странным новым районом. Затем он намеревался отойти ко сну после непрерывного трудового дня – почти беспримерного по своей стремительности, напряжению и результатам.

Утром у меня состоялся трехсторонний радиодialog с Лейком и капитаном Дугласом; было решено, что один из самолетов Лейка прилетит за Пибоди, пятью помощниками и мной, захватив столько топлива, сколько сможет поднять. Прочие вопросы снабжения могли подождать несколько дней, поскольку у Лейка имелся достаточный запас для обогрева и бурения. Со временем старую южную базу следовало бы пополнить; однако, если восточный перелет будет отложен, она не понадобится нам до следующего лета. Пока же Лейку предстояло отправить самолет для разведки прямого пути между его горами и проливом Мак-Мёрдо.

Мы с Пибоди приготовились свернуть нашу базу на неопределенный срок. Если бы нам пришлось зимовать в Антарктике, мы, вероятно, полетели бы прямым рейсом от Лейка на «Аркхэм». Некоторые из наших конических палаток уже были укреплены блоками твердого снега; теперь мы решили довести дело до конца, возведя подобие постоянной эскимосской деревни. Благодаря щедрому запасу снаряжения у Лейка было всё необходимое даже с учетом нашего прибытия. Я передал по радио, что мы будем готовы к отбытию на северо-запад после дня трудов и ночи отдыха.

Однако после четырех часов пополудни работа наша разладилась, ибо в это время Лейк начал присылать сообщения самого необычайного и возбужденного свойства. Его рабочий день начался неудачно: аэрофотосъемка обнаженных скальных поверхностей выявила полное отсутствие тех архейских пластов, которые он столь упорно искал и которые составляли основную массу колоссальных пиков, маячивших в отдалении. Большинство видимых пород оказались юрскими и команчскими песчаниками, а также пермскими и триасовыми сланцами; местами попадались глянцево-черные выходы, напоминавшие твердый сланцеватый уголь.

Это обескуражило Лейка, ведь весь его замысел строился на поиске образцов возрастом более чем в пятьсот миллионов лет. Ему стало ясно: дабы вновь добраться до жилы архейского сланца со странными метками, потребуются долгий санный переход к самим подошвам гигантских гор.

Тем не менее он решил провести местное бурение и поручил пятерым людям работу, в то время как остальные обустраивали лагерь и чинили самолет. Для первой пробы выбрали мягкую породу – песчаник в четверти мили от лагеря; бур шел превосходно, почти не требуя взрывных работ. Примерно через три часа, после первого по-настоящему мощного взрыва, раздались крики буровой команды, и молодой Гедни – исполнявший обязанности бригадира – вбежал в лагерь с ошеломляющей вестью.

Они наткнулись на пещеру. На раннем этапе бурения песчаник уступил место жиле команческого известняка, переполненного крошечными ископаемыми головоногими, кораллами и спириферами, с редкими включениями костей морских позвоночных – вероятно, ганноидов и акул. Само по себе это было важным открытием – первыми позвоночными окаменелостями экспедиции; но когда вскоре буровая головка внезапно провалилась в пустоту, среди людей поднялась новая волна возбуждения. Мощный заряд взрывчатки раскрыл подземную тайну; и теперь через рваный проем, футов пять шириной, перед искателями разверзлась известняковая полость, выточенная более пятидесяти миллионов лет назад водами исчезнувшего тропического мира.

Полость была глубиной не более восьми футов, но уходила во все стороны без видимого конца; из нее веяло свежим, движущимся воздухом, что указывало на принадлежность к обширной системе подземелий. Свод и дно ее были украшены сталактитами и сталагмитами, но важнее всего было гигантское скопление раковин и костей, местами почти полностью забивавшее проход. Снесенная сюда из неведомых джунглей мезозойских папоротников, из лесов третичных саговников и веерных пальм, эта мешанина костей содержала больше мелких, эоценовых и иных видов, чем величайший палеонтолог смог бы классифицировать за целый год. Моллюски, панцири ракообразных, рыбы, амфибии, рептилии и ранние млекопитающие – от известных науке до совершенно диковинных. Неудивительно, что Гедни помчался в лагерь с криками; и неудивительно, что все остальные, бросив дела, сломя голову кинулись сквозь пронзительную стужу туда, где буровой копер отмечал новую калитку в тайны внутренней земли и исчезнувших эпох.

Когда Лейк утолил первый приступ любопытства, он набросал сообщение и отправил Моултона в лагерь – передать его по радио. Это было первое известие об открытии, дошедшее до меня; в нем сообщалось об обнаружении костей плакодерм, остатков лабиринтодонтов, фрагментов черепов мозазавров, позвонков динозавров, костей птеродактилей и обломков археоптерикса. Ничего столь позднего, как останки мастодонта или оленя, найдено не было; посему Лейк заключил, что полость пребывала в своем нынешнем мертвом состоянии по меньшей мере тридцать миллионов лет.

С другой стороны, преобладание древнейших форм жизни выглядело в высшей степени странно. Хотя известняковая толща была бесспорно команческой, среди обломков в полости находилась удивительно большая доля остатков организмов, считавшихся свойственными куда более древним периодам – вплоть до силура или ордовика. Вывод напрашивался сам собой: в этой части света существовала поразительная непрерывность жизни на протяжении трехсот миллионов лет. Насколько далеко она простиралась за пределы олигоцена, оставалось лишь гадать. Во всяком случае, грозное наступление плейстоценовых льдов около пятисот тысяч лет назад – сущий вчерашний день по сравнению с возрастом этой пещеры – должно было положить конец любым примитивным формам, коим удалось пережить свои сроки.

Лейк не удовлетворился первым сообщением и велел отправить еще один бюллетень. Моултон остался у рации, передавая мне и на «Аркхэм» частые приписки, которые посыльные доставляли одну за другой. Те, кто следил за газетами, помнят, какое брожение в умах ученых

вызвали те донесения – донесения, которые спустя годы привели к организации экспедиции Старквезера-Мура, от которой я ныне столь отчаянно пытаюсь всех отговорить. Лучше всего будет привести эти сообщения буквально так, как их отправлял Лейк и как наш оператор Мак-тай заносил их в свою стенограмму.

«Фаулер совершил открытие исключительной важности в обломках песчаника и известняка из взрывных шахт. Несколько отчетливых треугольных исчерченных отпечатков, идентичных найденным в архейском сланце, доказывают: данный биологический вид существовал в период от 600 миллионов лет назад до команчского времени, не претерпев при этом более чем умеренных морфологических изменений или уменьшения средних размеров. Команчские отпечатки кажутся даже более примитивными или, если угодно, упадочными в сравнении с более древними.

Следует подчеркнуть важность открытия в прессе. Для биологии это будет значить то же, что Эйнштейн значил для математики и физики. Это перекликается с моей прежней работой и подтверждает мои выводы. По-видимому, Земля видела целый цикл или циклы органической жизни до того, который известен нам и берет начало с археозойских клеток. Высокоспециализированная жизнь существовала не позднее, чем миллиард лет назад, когда планета была еще молода и, казалось бы, непригодна для каких-либо форм протоплазматического строения. Возникает вопрос: когда, где и как происходило это развитие?»

«Позднее. Рассматривая костные фрагменты крупных наземных и морских ящеров, а также примитивных млекопитающих, нахожу странные прижизненные раны или повреждения костной структуры, необъяснимые действием ни одного известного хищника какого-либо периода. Наблюдается два типа повреждений: прямые проникающие проколы и, по-видимому, рубящие надсечки. В одном-двух случаях кость чисто перерублена. Пораженных экземпляров немного. Посылаю в лагерь за электрическими фонарями. Намерен расширить область поисков под землей, скалывая сталактиты».

«Еще позднее. Обнаружил странный фрагмент талькового камня, около шести дюймов в поперечнике и полутора дюймов толщиной, совершенно не похожий ни на одно местное образование. Камень зеленоватый, лишен признаков, позволяющих определить его возраст. Отличается странной гладкостью и правильностью форм. Представляет собой пятиконечную звезду с обломанными лучами и следами расколов во внутренних углах и центре. В центре неповрежденной поверхности – маленькая гладкая впадина. находка возбуждает сильнейшее любопытство; вероятно, это каприз водной эрозии. Кэрролл, используя лупу, полагает, что различает дополнительные отметины: группы крошечных точек, расположенных в регулярном узоре. Собаки становятся крайне беспокойными и, кажется, испытывают ненависть к этому камню. Надо проверить, нет ли у него специфического запаха. Сообщу снова, когда Миллс вернется со светом и мы начнем подземные изыскания».

«10:15 вечера. Важное открытие. Оррендорф и Уоткинс, работавшие под землей в 9:45 при искусственном освещении, нашли чудовищное бочкообразное ископаемое совершенно неизвестной природы; вероятно, растительное, если это не разросшийся экземпляр неизвестного морского

лучистого. Ткань сохранена минеральными солями. Прочна как кожа, но местами удержана поразительная гибкость. Видны следы обломанных частей на концах и по бокам. Шесть футов в длину, три с половиной фута в центральном диаметре, сужается до одного фута на концах. Напоминает бочку с пятью выпуклыми ребрами.

По экватору, в середине этих ребер, находятся боковые обломы, похожие на тонкие стебли. В бороздах между ребрами – странные выросты: гребни или крылья, складывающиеся подобно веерам. Всё сильно повреждено, кроме одного крыла, дающего почти семифутовый размах. Анатомия напоминает чудовищ из первобытных мифов, в особенности легендарных Старших Существ из „Некрономикона“. Крылья мембранные, натянуты на каркас из железистых трубочек, на концах которых видны мельчайшие отверстия. Концы тела сморщены. Необходима препаровка. Не могу решить, растение это или животное. Многие признаки невероятно первобытны. Велел искать новые экземпляры. Собаки не выносят находку, их приходится держать на расстоянии».

«11:30 вечера. Внимание, Дайер, Пэбоди, Дуглас. Дело высшей – я бы сказал, трансцендентной – важности. „Аркхэм“ должен немедленно ретранслировать это на станцию Кингспорт-Хед. Странный бочкообразный организм – это та самая архейская сущность, что оставила отпечатки в породах. Миллс, Будро и Фаулер нашли кластер из тринадцати штук в сорока футах от проема. Они смешаны с округлыми фрагментами талькового камня – звездчатыми, как найденный прежде. Восемь экземпляров кажутся вполне целыми, со всеми придатками. Вынесли их на поверхность, собаки в ярости. Слушайте описание внимательно:

Объекты по восемь футов длиной. Шестифутовый пятиборозчатый бочкообразный торс. Тёмно-серый, гибкий и бесконечно прочный. Семифутовые мембранные крылья выходят из борозд. Вокруг экватора находятся пять систем светло-серых гибких щупалец, раздвигающихся до 3 футов. Сходны с руками морской лилии. Один ствол ветвится на пять подстволов, каждый из которых дает по пять усиков – итого 25 щупалец на ствол.

Наверху торса – бугристая шея с намеком на жабры, венчающаяся желтоватой пятиконечной „головой“, покрытой трехдюймовыми ресничками призматических цветов. Голова вздутая, с гибкими трубками на концах. Щель в центре вершины – вероятно, дыхало. На концах трубок – шаровидные утолщения, скрывающие глаза с красной радужкой. Из внутренних углов „звезды“ выходят красноватые трубки, оканчивающиеся мешковидными вздутиями с белыми зубами. Вероятные рты.

Внизу торса – аналоги устройств: псевдошея и зеленоватая пятиконечная схема. Прочные мускулистые руки 4 фута длиной заканчиваются мембранными треугольниками – лопастями или псевдоногами, оставившими те самые отпечатки возрастом в миллиард лет.

Пока склоняюсь к животному царству. Это невероятно продвинутая эволюция лучистых. Симметрия странно растительная: „сверху-вниз“, а не животная „вперед-назад“. Сходство со Старшими Существами из мифов пугающее. Дайер и Пэбоди, вы читали „Некрономикон“ и видели картины Кларка Эштона Смита – вы поймете, о чем я. Это те, кто якобы создал

земную жизнь как шутку. Похоже и на фольклорные штуки, о которых говорил Уилмарт – культ Ктулху и прочее.

Открыто величайшее поле исследований. Состояние сохранности чудесное. Теперь задача – доставить четырнадцать туш в лагерь без собак. Девять человек справятся с тремя санями, несмотря на ветер. Я должен препарировать одну из этих штук, прежде чем мы отдохнем. Дайер, зря вы пытались остановить мою поездку. Мы сделали науку. Поздравляю, Пэбоди, с вашим буром. „Аркхэм“, повторяйте описание!»

Чувства, овладевшие Пэбоди и мною по получении этого донесения, едва поддаются описанию; впрочем, и наши спутники мало уступали нам в своем восторге. Мактай, в спешке переводивший наиболее поразительные пассажи по мере того, как они доносились из монотонно гудящего приемника, подготовил полный текст радиограммы на основе своей стенограммы сразу же, как только оператор Лейка завершил сеанс. Каждый из нас осознал эпохальное значение открытия, и я направил Лейку свои поздравления, стоило лишь оператору «Аркхэма» по нашей просьбе повторить описательную часть сообщения; моему примеру последовали и Шерман со своей станции у складского депо в Мак-Мёрдо-Саунд, и капитан Дуглас с борта «Аркхэма». Позднее, в качестве главы экспедиции, я добавил несколько замечаний для передачи через «Аркхэм» во внешний мир. Разумеется, в обстановке подобного возбуждения о сне не могло быть и речи; единственным моим желанием было как можно скорее достичь лагеря Лейка. Я был глубоко разочарован, когда он сообщил, что усиливающийся горный шквал делает немедленный перелет невозможным.

Однако в течение полутора часов интерес вспыхнул с новой силой, вытеснив разочарование. Лейк присылал все новые вести, сообщив о благополучной доставке в лагерь четырнадцати громадных экземпляров. Транспортировка далась нелегко, ибо находки оказались поразительно тяжеловесными, но девять человек справились с этой задачей весьма сноровисто. В настоящий момент часть отряда спешно возводила снежную загородку на безопасном удалении от лагеря, куда предполагалось загнать собак для удобства кормления. Сами же экземпляры были разложены на плотном снегу подле лагеря, за исключением одного, над которым Лейк предпринял попытку грубого препарирования.

Сие вскрытие оказалось куда более затруднительным, нежели ожидалось: вопреки жару бензиновой плитки в только что установленной лабораторной палатке, обманчиво гибкие ткани избранного экземпляра – мощного и неповрежденного – нисколько не утратили своей сверхъестественной, более чем кожистой прочности. Лейк ломал голову над тем, как совершить необходимые разрезы, избегнув при этом сокрушительной грубости, способной нарушить те тончайшие структурные особенности, кои он стремился изучить. В его распоряжении, правда, имелось еще семь превосходно сохранившихся особей, однако их было слишком мало, дабы расходовать безрассудно – если только пещера в дальнейшем не обеспечит их неограниченный запас. Посему он отложил этот экземпляр и внес другой, который, невзирая на остатки морскозвездных образований на обоих полюсах, был сильно раздавлен и частично разрушен вдоль одной из глубоких борозд торса.

Результаты, спешно переданные по радио, были воистину ошеломляющими и интригующими. Невозможно было достичь ни тонкости, ни точности с инструментами, едва способными рассекать столь аномальную плоть; однако даже то немногое, что удалось выяснить, повергло нас в благоговейный трепет и смятение. Существующую биологию надлежало подвергнуть полному пересмотру, ибо сие творение не являлось продуктом какого-либо клеточного роста, известного науке. Признаков минерального замещения почти не наблюдалось, и, вопреки возрасту, исчисляемому, возможно, в сорок миллионов лет, внутренние органы пребывали в полной сохранности. Кожистая, не подверженная гниению и почти неразрушимая природа тканей была врожденным свойством организации этого существа и восходила к некоему палеоген-

скому циклу эволюции беспозвоночных, лежащему абсолютно вне пределов наших догадок. Поначалу ткани у Лейка оставались сухими, но когда в прогретой палатке началось оттаивание, на неповрежденной стороне проступила органическая влага – едкая и омерзительная на запах. То была не кровь, но густая темно-зеленая жидкость, судя по всему, выполнявшая ту же функцию. К этому времени все тридцать семь собак уже были согнаны в недостроенный загон вблизи лагеря; даже на таком расстоянии они подняли яростный лай, выказывая беспокойство, вызванное резким, расплзающимся зловонием.

Этот предварительный разрез, вместо того чтобы пролить свет на природу странной сущности, лишь углубил ее загадку. Все предположения касательно внешних членов подтвердились, и вряд ли стоило колебаться, признавая в существе животное; однако внутренний осмотр выявил столько растительных признаков, что Лейк окончательно потерял опору для выводов. Существо обладало системами пищеварения и кровообращения, а продукты жизнедеятельности выводило через красноватые трубки своего морскозвездного основания. Беглый осмотр позволял предположить, что его дыхательный аппарат поглощал кислород, а не углекислый газ; также обнаружили странные признаки воздушных камер-накопителей и механизмов переключения дыхания с внешнего отверстия на по меньшей мере две иные, вполне развитые системы – жабры и поры.

Очевидно, существо было земноводным и, вероятно, приспособленным к длительным периодам анабиоза в безвоздушном пространстве. Голосовые органы, по-видимому, были связаны с основным дыхательным устройством, однако они представляли собой аномалию, не поддающуюся немедленному объяснению. Членораздельная речь в значении произнесения слогов представлялась едва ли возможной; зато музыкальные свистящие ноты в широком диапазоне были весьма вероятны. Мышечная система была развита почти сверхъестественно.

Нервная система существа оказалась столь сложной и высокоразвитой, что Лейк был истинно потрясен. Будучи в некоторых отношениях чрезмерно примитивным и архаичным, организм обладал системой ганглиозных центров и связей, свидетельствовавшей о высочайшей степени специализации. Его пятилопастный мозг был развит поразительно; обнаружили и признаки сенсорного аппарата, действовавшего отчасти через жесткие реснички на голове и включавшего факторы, чуждые любому иному земному организму. По всей видимости, оно обладало более чем пятью чувствами, так что его повадки невозможно было предсказать, опираясь на какие бы то ни было существующие аналогии. Лейк полагал, что в своем первобытном мире это существо отличалось утонченной чувствительностью и изящно дифференцированными функциями – подобно современным муравьям или пчелам. Размножалось оно на манер споровых растений, в особенности папоротникообразных: споровые коробочки располагались на концах крыльев, а развитие, очевидно, происходило из слоевища или проталлиума.

Однако давать ему имя на данной стадии было бы чистым безумием. Оно напоминало иглокожее, но явно представляло собой нечто большее. Частично растительное по природе, оно тем не менее обладало тремя четвертями основных признаков животного строения. Морское происхождение неоспоримо доказывалось симметрией контуров и рядом иных свойств; однако пределы его позднейших адаптаций не поддавались точному определению. В конце концов, наличие крыльев упорно наводило на мысль о воздушной среде. То, как столь чудовищно сложная эволюция могла завершиться на новорожденной Земле в столь раннюю пору, оставив отпечатки в архейских породах, – всё это настолько выходило за границы воображения, что Лейк с горькой усмешкой вспомнил первобытные мифы о Великих Древних, кои снизошли со звезд и состряпали земную жизнь ради шутки или по ошибке; вспомнились ему и дикие предания о космических холмовых тварях Извне, пересказанные одним фольклористом – его коллегой по филологическому факультету Мискатоника.

Разумеется, он допускал вероятность того, что докембрийские отпечатки были оставлены менее развитым предком нынешних особей; однако он быстро отверг эту удобную теорию,

вспомнив о совершенстве структурных качеств более древних окаменелостей. Напротив, позднейшие образцы демонстрировали скорее упадок, нежели прогресс эволюции. Размер псевдоподий уменьшился, а вся морфология казалась огрубленной и упрощенной. Более того, только что изученные нервы и органы таили в себе странные намеки на регрессию от форм еще более сложных. Атрофированные и рудиментарные части встречались с пугающей частотой. В целом можно было заключить, что загадка не разрешена ни в малой степени, и Лейк, дабы обрести временное наименование, обратился к мифологии – шутливо окрестив свои находки «Старшими».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.